

Глава 24. Чай из женьшеня и архата и Генерал, Покоряющий Варваров

Чун И поднялся и взял доклад из рук Ван Юаньчэня. По мере чтения он неторопливо мерил шагами комнату. Тяжёлую зимнюю кровать из красного сандала уже убрали, сменив её низким ложем из ароматного нанму. Чун И небрежно опустил на него, а Фу Исянь вернулся в своё кресло. Ван Юаньчэнь поспешил поднести гостю свежую чашку горячего чая.

— Это вести с Заставы Медной Горы?

— Вовсе нет. Разве вы не заметили, господин, что доклад доставили в шкатулке из персикового дерева?

— А, значит, это донесение инспектора армии.

— Именно так, личное письмо от шестого принца.

Фу Исянь украдкой взглянул на Чун И и вполголоса спросил:

— А от Чун Дая докладов так и не поступало?

Ван Юаньчэнь склонился пониже и прошептал:

— С тех пор как старый генерал отбыл на Заставу Медной Горы, от Генерала, Покоряющего Варваров, не пришло ни единой весточки.

Фу Исянь отпил немного чая и уже собирался спросить о чём-то ещё, когда со стороны кушетки раздался гневный голос Чун И:

— Вздор! Несусветная чушь!

Фу Исянь поспешно встал. Чун И, яростно размахивая докладом, резко выпрямился на ложе и швырнул свиток далеко от себя:

— Сяошань, ты только посмотри, что пишет принц Чэн!

Ван Юаньчэнь торопливо подобрал свиток и передал его Фу Исяню. Тот развернул бумагу. Он увидел стройные ряды искусного почерка — ровные, мелкие иероглифы. В былые годы императорских отпрысков строго обучали каллиграфии. Фу Исянь, с детства росший бок о бок с ними, отлично знал, что Чун Ю владеет кистью безупречно.

Поскольку это было личное послание к Чун И, Чун Ю опустил излишние придворные

церемонии. Ограничившись коротким пожеланием здоровья, он сразу перешёл к делу. Пробежав глазами первые шесть-семь строк, Фу Исянь уловил суть. Чун Ю предлагал передать Заставу Небесного Замка под начало Чун Дая. Причиной тому служило нездоровье Фу Юаньтая, а также затишье в зимние месяцы, из-за которого войска забросили учения и пали духом. И если на Заставу Медной Горы дела обстояли сносно, то у Заставы Небесного Замка дисциплина развалилась окончательно. По мнению принца, тамошний гарнизонный офицер Линь Юйцзинь откровенно пренебрегал своими обязанностями и заслуживал сурового наказания. Далее следовала пространная похвала талантам Чун Дая и настойчивая рекомендация доверить ему Заставу Небесного Замка, чтобы тот наладил муштру и подготовил армию к скорому походу против Бэйди во славу престола.

Прочитав доклад до конца, Фу Исянь аккуратно свернул его и застыл в глубоком раздумье.

Чун И, распаляясь всё сильнее, мерил шагами залу, заложив руки за спину. Почувствовав неладное, из боковых дверей тихо выскользнул сообразительный Сыинь с чашей горячего чая в руках:

— Владыка, на улице жара, душно. Выпейте чаю из женшенья и архата, успокойте дух.

Чун И лишь досадливо махнул рукой. Сыинь с обиженным видом поставил пиалу на столик у ложа и поспешил удалиться. Лишь когда слуга скрылся за дверью, император с лёгким замешательством покосился на Фу Исяня. Тот всё ещё держал в руках доклад, сосредоточенно изучая текст. Почувствовав на себе взгляд правителя, он поднял голову.

Чун И недовольно отвернулся и с горечью выдохнул:

— Хоть слово из моих наставлений он держит в голове? Целый год армия прозябает у Заставы Медной Горы, а от него приходят лишь нескончаемые требования прислать зерна и серебра! Я обобрал до нитки Шаньдун и Хэнань, лишив голодающих помощи, только чтобы выплатить жалованье его солдатам! И каков результат? Бэйди до сих пор не отступили ни на шаг! И в довершение всего Чун Ю шлёт мне доклады, в которых превозносит Чун Дая! Чего он добивается? Как он вообще смеет называть себя инспектором армии?!

Фу Исянь вернул свиток Ван Юаньчэню, поднялся с кресла и подошёл к императору. Взяв со столика пиалу с отваром, он неторопливо произнёс:

— Надо полагать, это плоды архата из свежего летнего привоза с Южных морей? — С этими словами он поднёс чашу к лицу, улавливая тонкий аромат, и мягко улыбнулся.

Чун И на мгновение опешил, не понимая, к чему этот внезапный разговор о заморских плодах. Но решив, что Сяошаню действительно пришёлся по вкусу напиток, он поспешно спросил:

— Тебе нравится чай из женшенья и архата, Сяошань?

Фу Исянь слегка сдвинул крышку пиалы, вдыхая пар, сделал небольшой глоток и бережно поставил её на место:

— Сладкий вкус, прохладное действие. Воистину, лучшее средство, чтобы унять летний жар и успокоить дух. Вашему Величеству стоит пить его почаще.

Чун И понимающе кивнул:

— Сам я не жалую его вкус, но тело после него действительно наливается приятной прохладой. Потому и велю подавать мне чашу каждый раз после полудня.

Фу Исянь бережно вложил чашу в руки императора и неторопливо подошёл к дверям зала. Стоял рубеж пятого и шестого месяцев, летний зной уже вступал в свои права. За колоннадой Зала Резонирующей Гармонии пылало сплошное море цветущих гибискусов, сквозь которые топорщились веточки душистой аглаи, наполняя воздух густым благоуханием. Чун И с чашей в руках молча последовал за ним.

— Если тебе по душе этот отвар, Сяошань, я прикажу готовить его и на твою долю, чтобы мы пили его вместе всякий раз, когда ты приходишь во дворец.

Фу Исянь обернулся к нему. На его лице больше не было улыбки. Он опустил глаза и сдержанно произнёс:

— Одной лишь этой заботы Вашего Величества довольно, чтобы у преданного слуги не осталось иных желаний. Но признаться... я, как и вы, не люблю чай из женьшеня и архата.

— Вот как? — удивился император.

— Ваше Величество не жалуется вкус архата, однако пьёт его изо дня в день ради его целебных свойств. С Цзыхоу дело обстоит точно так же. Он может не нравиться вам как человек, но он долгое время служил первостатейным телохранителем, и его воинские достоинства заслуживают справедливой оценки. К тому же принц Чэн прислал именно личное письмо, а не официальный рапорт. Это не более чем совет с глазу на глаз. Очевидно, даже принц разглядел в Цзыхоу недюжинные способности полководца.

Чун И нахмурил брови и погрузился в молчание. Фу Исянь тем временем продолжил:

— Ваше Величество, помните, как в детские годы покойный император решил испытать наши познания? Тот вопрос, на который вы ответили быстрее всех и удостоились высочайшей награды.

Припомнив тот день, Чун И невольно улыбнулся:

— «Благородный муж управляет вещами, но не позволяет вещам управлять собой».

Фу Исянь молча кивнул.

Чун И отвернулся и несколько мгновений задумчиво смотрел вдаль, прежде чем спросить:

— Сяошань, ты ведь прекрасно понимаешь мои тревоги. Неужели ты тоже считаешь, что Чун Даю под силу справиться с такой задачей? Гарнизон Заставы Небесного Замка уступает силам у Заставы Медной Горы, но отдать его под чужое начало — всё равно что отсечь себе руку. Я просто не могу решиться на это.

— Но неужели дела у Линь Юйцзиня, нынешнего командира на Заставе Небесного Замка, и впрямь так плачевны, как утверждает принц Чэн?

Чун И тяжело вздохнул и кивнул:

— У Линь Маньту нет собственных сыновей, поэтому в племяннике Юйцзине он души не чает. Относится к нему ласковее, чем к родному детищу.

— Однако Ваше Величество беспокоит далеко не только это.

Чун И положил руку на плечо Фу Исяня и доверительно произнёс:

— Верно. Линь Маньту и твой отчий дом Великого генерала связаны узами многолетней дружбы, об этом знает вся придворная знать. Пока племянник Линя удерживает Заставу Небесного Замка, а твой отец Фу Юаньтай и прочие верные военачальники держат рубежи, никто в армии не посмеет и помыслить о мятеже. Пусть Линь Юйцзинь прикарманил пару тысяч ланов серебра — я охотно прощу ему эту малость, лишь бы он преданно стерёг мои рубежи. Но Чун Дай... как я могу спать спокойно, доверив заставу ему?

— Ваше Величество, растрата жалованья — лишь вершина айсберга, куда страшнее пренебрежение долгом. Когда на Заставе Небесного Замка царит такой разброд, как этот гарнизон сможет защитить ваши земли? Бэйди — грозный враг, и перед лицом этой угрозы оборона границ должна быть превыше всего. Умоляю вас взвесить всё как следует.

Чун И глубоко вздохнул, и в глазах его отразилась тяжёлая дума:

— Неужели мне и впрямь придётся поставить на кон Заставу Медной Горы?